

ВАРШАВСКИЙ НАБАТ

Вокруг большой игровой площадки, похожей на крышку белого свежевystруганного стола, рассаживаются исполнители. Четыре женщины в черных платьях, молодой актер без грима, немецкие солдаты, арлекины, цирковые наездницы, клоун и другие.

Ярко освещена только игровая площадка. Исполнители все время находятся в тени. Их должно быть видно, но очень нечетко.

Когда приходит очередь того или иного исполнителя, он просто выходит на игровую площадку, исполняет свой эпизод и совершенно открыто возвращается к своему месту возле площадки и, может быть, даже к своей сигарете.

Главным действующим лицом этой пьесы является не персонаж, а актер, актер-человек, со своим современным человеческим отношением к изображаемому персонажу и изображаемым событиям.

Разговор предстоит о подлинной жизни и смерти, и поэтому не следует развлекать зрителей иллюзорными сценическими эффектами, прятанием за кулисы, жизненной достоверностью декораций или, наоборот, условным обозначением места действия.

Только актер, только его фантазия, которая заставит поверить в наличие стен или широкого пространства, только мысль и слово.

ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ

На игровую площадку поднимается современный молодой человек. Это — актер в обычном костюме и без грима. Его монолог интонационно похож на стихи.

А к т е р.

Вот я пришел к вам.

Пришел и не знаю,
как начать.

Я не знаю, как мне к вам обратиться.

Потому что меня слушают
и взрослые и дети.

И смотрят на меня.

И ждут.

А я понимаю,
что все дети —
будущие взрослые,
а все взрослые —
бывшие дети.

Значит, вроде бы одно и то же.

А на самом деле —
не одно и то же.

Если я сейчас скажу:

«Слушайте, дети!..» —

дети наострят уши,

а взрослые

снисходительно улыбнутся

и подумают:

«Мы не туда попали.

Но, пожалуй, послушаем,

что он там расскажет

нашим детям...»

Взрослые уверены,
что должны вмешиваться во все,
что слушают и делают
дети.

На самом-то деле
взрослые ничего не понимают.

Если им сказать:

«Вот стоят гуськом пять стульев.

Это —

голубой экспресс,

и на нем можно уехать

куда угодно»,

взрослые ответят:

«Поставь

стулья

на место,

в доме

должен

быть

порядок...» —

и в одну минуту

сломают

голубой экспресс.

Совсем не для того,

чтобы посмотреть,

что у него внутри,

а просто так.

Ведь они твердо знают,

что стулья —

это только стулья.

Вообще взрослые все твердо знают.

Если я сейчас скажу:

«Слушайте, люди!..» —

взрослые поморщатся:

«Ну зачем так высокопарно!

Как будто
мы и сами не знаем,
что мы —
люди?!»
А дети?
Дети снова павострят уши.
Во-первых,
дети подумают,
что попали
на взрослое представление,
а это им всегда **хочется**.
Во-вторых,
дети в душе считают,
что они
тоже люди.
Правда, они слышат,
как взрослые говорят:
«Дети нас утомляют!
Надо все время
опускаться до их понятий.
Опускаться.
Наклоняться.
Сгибаться.
Сжиматься...»
Но мы не от этого устаем.
А оттого,
что надо подниматься
до их чувств.
Подниматься.
Становиться на цыпочки.
Тянуться.
Чтобы не обидеть.
А если говорить уж совсем откровенно,
то, когда
в зале гаснет свет
и на сцене

начинают происходить чудеса,
взрослые мгновенно
превращаются в детей.
Ведь их не видно,
и им нечего стесняться!
Взрослыми они опять становятся
только в антракте,
когда им надо
ругать пьесу и артистов.
Надо, ничего не поделаешь;
они —
взрослые!..
Но теперь я знаю,
как начать.
Вот я пришел к вам,
пришел и говорю:
«Слушайте, дети!
Слушайте очень печальную историю.
Может быть,
я бы вам рассказал историю повеселее,
но тогда это была бы
совсем другая история.
А я рассказываю не другую,
а именно эту.
Печальную.
Но разве люди должны всегда хохотать,
ходить на голове,
играть в салочки,
сосать леденцы,
прыгать и веселиться?
Иногда люди должны сесть и подумать.
О себе.
О жизни.
О других людях.
И тогда —
случается —

на ум приходят печальные истории.
А сейчас произойдет
главное чудо:
я надену этот парик,
эти очки,
перевязанные веревочкой,
и у вас на глазах
превращусь
в старого учителя
в старой Варшаве.
Правда, взрослые скажут:
«Этого учителя
давно нет на свете,
а человек на сцене
станет притворяться этим учителем
час или два».
Это неправда.
Слушайте, дети!
Мы-то с вами знаем,
что пять стульев,
которые стоят гуськом,—
это
голубой экспресс
и на нем можно уехать
куда угодно!
А я —
самый настоящий старый учитель.
Я живу в старой Варшаве
в тысяча девятьсот сорок втором году.
Наш город теперь не наш.
Его захватили немецкие фашисты.
И сейчас произойдет
печальная история,
о которой я уже говорил.
А самое печальное в этой истории —
То.

Что она.
Случилась.
На самом.
Деле.

Актер, держа в руке парик и очки, задумался. И, словно в его воображении, начал брезжить немецкий марш. Он звучит все громче и громче, перемежаясь выкриками «хайль». На площадку поднимается странная процессия. Все ее участники похожи на карикатуры.

Впереди — с ярким жезлом тамбурмажора — шагает карикатура на нацистского оберштурмбанфюрера. Лицо закрывает уродливая пластическая маска, фуражка преувеличенных размеров из черного лакированного картона, негнущаяся картонная форма.

За оберштурмбанфюрером кувыркается и кричит неестественным клоунским голосом странный клоун: одна половина его костюма является униформой рыжего клоуна, вторая — белого; одна половина парика рыжая, вторая — белая; одна половина лица в рыжих веснушках, вторая — обсыпана мукой. За клоуном шествуют два солдата рейхсвера. На них тоже карикатурная картонная форма, на лицах карикатурный грим, на шеях висят игрушечные ружья-автоматы, руки заняты детскими барабанами и куклами, пакетами, из которых торчат белые булки и красные головки сыра, на пуговицах болтаются элегантные пакетики, перевязанные голубыми и розовыми ленточками.

Процессия, маршируя гусиным шагом, обходит по кругу игровую площадку и останавливается за спиной задумавшегося актера. Марш смолкает. Где-то раздается карканье ворона.

Карикатура оберштурмбанфюрера (с удивлением прислушивается и кричит). Молчать!

Карканье смолкает.

Карикатура оберштурмбанфюрера поднимает тамбурмажорский жезл, и, словно по его команде, возникает лирическая трель соловья.

Карикатура оберштурмбанфюрера с удовольствием прислушивается и тут же, сделав механическое движение головой, кричит в сторону актера.

Карикатура оберштурмбанфюрера. Добрый день, герр учитель! Позвольте представиться! Я — оберштурмбанфюрер войск СС Конрад Вольф! М?!.. Почему вы мне не отвечаете, как это принято между двумя культурными и интеллигентными людьми?

Актер (*отвечает медленно, не оборачиваясь, вслушиваясь в каждое слово и как бы оценивая его со стороны*). Добрый день, господин оберштурмбанфюрер. Чем могу служить?

Карикатура оберштурмбанфюрера (*кричит*). О! Слюжить! Какое прекрасное слово! Как приятно, что вы его знаете! Да, вы нам можете отлично слюжить!

Актер внимательно и оценивающе слушает крики шутовского оберштурмбанфюрера.

Актер. Нет, так об этом нельзя!..

И вся шутовская команда на цыпочках сходит с игровой площадки.

(Продолжает.)

Все было взаправду,
все было не где-то.

Я сегодня
посмел оглянуться назад,
чтобы встретить глаза
Варшавского гетто.

Глаза расширенные детей
Из приютского дома Януша Корчака.

Подивиться
причудам их затей,
подавиться

их плесневелой коркой.

На чужих площадях

убивали не нас,
но хочу достучаться,
добиться,
дозваться,
чтоб раскрыли четырнадцать тысяч глаз
дети,

расстрелянные в Крагуеваце.

Человек,
не бойся прошлого.
Встань!

Готов ли ты
к необычному рейсу,
чтоб вновь упереться
в броню,
в сталь
третьего рейха?..

Встань как ответчик,
встань как судья
перед тем,
что сегодня зовется
прошлым.

Нервы — сюда!
Сердце — сюда!
Проше, пани!
Панове, проше!

Надев парик и очки, сходит с площадки. Занимает свое место среди других исполнителей. На площадку поднимаются Молодек и Млада. Обоим по тринадцать. Они молча стоят на площадке.

Одна из четырех одетых в черное женщин (*подносит к губам микрофон*) «Варшавский набат». Трагедийное представление в двух частях. Время действия — вторая мировая война. Место действия — наша совесть.

Возникают отдаленные раскаты бомбардировки.

Млада. Опять бомбит.
Млодек. Это в предместье.
Млада. Все равно страшно.
Млодек. Я ведь здесь.
Млада. Все равно страшно.

Снова взрыв.

Ой! Это же совсем близко.

Млодек. Это еще дальше, чем было. *(Шмыгает носом.)*
Млада. Ты чего шмыгаешь носом? От страха? Где твой носовой платок? Опять потерял?
Млодек. Мы в собак играли.
Млада. А при чем тут носовой платок?
Млодек. Собакам не нужно носовых платков, они нос языком облизывают. Вот смотри! *(Высунув язык, пытается им дотянуться до своего носа.)*
Млада. Очень глупо!

Взрыв.

(Приседает.) Ой!

Млодек. Просто я тебя хотел посмешить.
Млада. Тоже нашел маленькую! На! *(Сует ему свой носовой платок.)*
Млодек. Спасибо. *(Сморкается.)*
Млада. Давай обратно.
Млодек. Я утром постираю. *(Бережно сложив, прячет платок в карман.)*
Млада. А ты чего опять со мной дежурить? Тебя ведь не назначали.
Млодек. Да так... *(Деланно зеваает.)* Просто не спится.
Млада. Когда Иренка дежурит, тебе спится, а как я — так не спится.
Млодек. Ну чего привязалась?
Млада. Я не привязалась, я спрашиваю.

Снова взрыв.

Тра-ля-ля-ля-ля!

Млодек. Ты что?

Снова взрыв.

Млада *(синхронно со взрывом, громко)*. Тра-ля-ля-ля! И никаких взрывов!
Млодек. Малышей разбудишь!
Млада. Бомбы их разбудить не могут, а мои «тра-ля-ля» разбудят, да?

Снова взрыв.

(Кружится, приподняв двумя пальчиками юбку.) Тра-ля-ля-ля, тра-ля-ля-ля!.. А ты любишь смотреть кино про любовь?

Млодек. Не знаю. Про любовь все картины скучные. Или целуются, или по комнате ходят. Иногда только кто-нибудь выстрелит. Я больше про сыщиков люблю.

Млада. А ты бы хотел быть сыщиком?

Млодек. Само собой! Гнаться по крышам, через заборы, с браунингом.

Млада. А завтра первый — естествознание.

Млодек. Еще что-нибудь узнаем про белых медведей.

Млада. А ты бы хотел быть белым медведем?

Млодек. Еще бы!

Млада. Так ведь медведи неуклюжие.

Млодек. Ничего не неуклюжие. Они даже танцевать умеют. Я однажды видел в цирке. В детстве, конечно. Знаешь, как они танцевали?

Взрыв.

Млада. Тра-ля-ля-ля!.. *(Подхватив Млодека, кружит его.)* Так?.. Ой!

Млодек. Прости, я тебе, кажется, на ногу наступил.

Млада. «Кажется»!.. Действительно медведь. А еще кем бы ты хотел быть?

Млодек. Орлом.

Млада. Это чтоб выше всех?

Млодек. Просто интересно полетать.

Млада. Если бы у людей были крылья, пужна была бы другая одежда. На рубашке сзади делали бы отверстия и крылья держали бы под пиджаком. А может быть, сверху?

Млодек. Все равно неудобно.

Млада. Очень даже удобно! Можно было бы посидеть на крыше и слетать в лес на экскурсию.

Млодек. На экскурсию — это здорово. Над городом мы летим парами, а за городом — все в разные стороны.

Млада. Ничего не в разные. Ты бы все равно увязался за мной.

Млодек. Очень надо!

Млада. А кругом — ночь. И звезды. И луна.

Млодек. Днем лучше. Сбился с пути, взлетел вверх и посмотрел, где место сбора.

Млада. Нет. Днем летали бы малыши, а мы — ночью. Ночью все таинственно и всегда немножко страшно, даже если не бомбят. И серенады всегда поют ночью.

Млодек. Это кому же ты собираешься петь серенады?

Млада. Не я, а ты.

Млодек. Я не могу петь серенады. У меня по пению всегда была двойка.

Млада. Все равно, я бы вышла на балкон, а ты бы уже стоял внизу.

Млодек. Почему это внизу? Ты на балконе, а я внизу? Я бы тоже вышел на балкон.

Млада. Ты на балконе, и я на балконе? Так ничего не получится.

Млодек. А что должно получиться?

Млада. Ты стоишь внизу... не спорь!.. а я выхожу на балкон и не знаю, что ты стоишь внизу. И тогда я говорю... *(Говорит, улыбаясь непонятными словами.)*

«Быстрой, огнем подкованные кони,
К палатам Феба мчитесь! Ваш возница,

Как Фазтон, на запад гонит вас

И ускоряет ход туманной ночи.

Раскинь скорей свою завесу, ночь.

Ночь, добрая и строгая матрона,

Овей лапнт бушующую кровь
Своим плащом. Приди и научи...».

(Замолчала.)

Млодек *(пересохшим голосом)*. Каких... лапнт? Чего... научи?

Млада. Не знаю. Дальше было оборвано.

Млодек. Что... оборвано?

Млада. Ну, ничего. После бомбардировки я нашла на улице полкнижки. Даже четверь. Про Джульетту.

Млодек. Мура какая-нибудь!

Млада. Ничего не мура. Ей было тринадцать лет, а она уже целовалась.

Млодек. Ну и дура.

Млада. Ей мать то же самое говорила. «Дура ты, говорит, старая, я целовалась, когда мне было двенадцать лет».

Млодек. Ничего себе мать!

Пауза.

Млада. Млодек!

Млодек *(деланно зевает)*. Спать пойти, что ли?

Млада. Млодек!

Млодек. Ну, чего тебе?

Млада. Пойди сюда.

Млодек *(подходит)*. Ну?

Млада. «...Как Фазтон, на запад гонит вас и ускоряет ход туманной ночи...». Ты когда-нибудь катался на фазтоне?

Млодек. Само собой! Там есть такая перекладина между задними колесами. Мы с Фелегом часто катались. В детстве, конечно, до войны.

Млада. А что такое «Феб»?

Млодек. Это совсем из другой книжки. Из «Трех мушкетеров». У Портоса была лошадь Феб. Ее убили, когда они гнались за графом де Вардом.

Млада. А!

Млодек. Б!

Млада. Ты чего дразнишься?

Млодек. «Дразнишься», «дразнишься!» Ерунду какую-то развела!

Млада. Ну и можешь идти спать.

Млодек. Ну и пойду.

Млада. Ну и иди.

Млодек. Ну и пойду.

Млада. Ну и пожалуйста.

Млодек. А ты не командуй. Я сам знаю, что мне делать.

Млада. Ничего ты сам не знаешь.

Млодек. Это как же так?

Млада. Очень просто. За вами, мужчинами, только глаз да глаз.

Вы же совсем как дети. В собак играете, нос стараетесь языком достать.

Млодек. Так я же пошутил, чтоб тебе веселее стало.

Пауза.

Млада. Млодек, ты здесь?

Млодек. А где же еще?

Млада. Дай руку.

Млодек (*неохотно протягивает руку*). Ну?

Взрыв.

Млада. Ой! (*Приседает, остается сидеть на полу.*)

Млодек. Встань, простудишься.

Млада. Об Иренке ты так же заботишься?

Млодек. Я же с ней ни разу не дежурил!

Млада. Давай играть в короля Матиуша Первого.

Млодек. Это про которого наш учитель целую книжку сочинил?

Млада. А тебе не нравится?

Млодек. Нет, ничего. «Три мушкетера» интереснее.

Млада. Ничего не интереснее.

Млодек. Ладно, давай. Я могу быть королевской собакой. (*Высунув язык, пытается им дотянуться до носа.*)

Млада. Ничего не собакой. Ты будешь сам король Матиуш Первый.

Млодек. Это неинтересно. Лучше я буду стражником у ворот и не пускать тебя во дворец. Эй, отойди от решетки!

Млада. Это как же так — не пускать, а? Да ты что?

Млодек. А что?.. Отойди, говорят! Детям прачки во дворец делать нечего!

Млада (*горячится, чуть ли не вступая с ним в драку*). Какой прачки, какой прачки?.. Я заморская принцесса и приехала в гости к королю. Без меня не может начаться королевский бал.

Млодек. А! Ну, тогда другое дело. Проходи!

Млада. А ты вовсе не стражник, ты — сам король.

Млодек. Я не буду королем. Ему ничего не разрешают делать.

Млада. Совсем наоборот, ему все можно.

Млодек. Ну, если мне все можно, тогда я буду королевской собакой. (*Пытается языком дотянуться до носа.*)

Млада (*строго*). Млодек!

Млодек. Ну?

Млада. С Иренкой ты так же споришь?

Млодек. Ладно, буду королем. Эй, слушайте мой приказ! Всем девочкам в королевстве подарить по большой-пребольшой кукле, а всем ребятам бесплатно кататься на трамвае, кто сколько захочет! Хоть десять раз в день! И даже давать иногда поуправлять трамваем!

Млада. Ну, Иренке можно куклу и поменьше.

Млодек. Нет, почему же. Уж всем одинаковые!

Млада. Млодек!

Млодек. Ладно. Ей немножко поменьше. Хотя это несправедливо, а я — Матиуш Первый Справедливый!

Млада. Бал уже давно начался, и мы с тобой танцевались до упаду... Ффу, как жарко!.. А где мой веер? Ваше величество, принесите мне мой веер, я его где-то потеряла.

Млодек стоит, не зная, где ему взять веер.

Ну? Что же вы стоите, как чурбан?

Млодек. Ах, веер! Вот! (*Пятерней обмакивает Младу.*)

Млада. Спасибо. Это мой самый любимый веер. У меня, конечно, еще десять тысяч вееров, но этот мне прислала моя кузина, еще одна заморская принцесса. Мне было бы очень жалко его потерять. Благодарю вас.

Млодек. Пожалуйста.

Млада. Вы можете сесть рядом. Вы — король и можете сидеть рядом с принцессой.

Млодек садится на пол рядом с Младой.

Теперь мы будем смотреть, как гости танцуют полонез. Слышите, оркестр уже настраивается на полонез. *(Поет первую фразу полонеза).* Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля-тум!

Тут же откуда-то флейта повторяет эту фразу.

Слышите?.. Это — флейта! Какой прекрасный флейтист в вашем придворном оркестре!

Млодек. Какая флейта! Это ты сама спела.

Млада. Нет, флейта. Слышите?

Снова — флейта.

Млодек. Нет.

Млада. Заткни уши. *(Закрывает ему ладонями уши.)*

Снова поет флейта.

(Отнимает ладони от ушей Млодека.) Теперь слышал?

Млодек утвердительно кивает. Снова — разрыв бомбы.

Млодек. Опять бомбят.

Млада. Нет. Это настраиваются барабаны. А то какой же полонез без барабанов? А теперь зажмури глаза. Крепко-крепко. *(Подает пример.)*

Млодек тоже зажимуривает глаза.

Только, чур, не отжмуривать!

Млодек. Ладно.

Млада. Всем танцевать полонез! А мы с его величеством посмотрим.

Млодек широко раскрывает глаза.

(Словно почувствовала это.) Млодек!

Млодек. Ладно, больше не буду. *(Снова зажимуривает глаза.)*

Откуда-то очень тихо оркестр начинает играть полонез. Разрывы бомб теперь раздаются ритмически, словно удары большого барабана, отбивающие такт полонеза. Оркестр играет все громче и громче, «барабан» угадет все ближе и ближе. Млада и Млодек сидят, взявшись за руки и крепко зажимурив глаза. И вот на площадку вступают первые пары полонеза. И мгновенно вся площадка заполняется ярко, маскаратно одетыми парами. Здесь арлекины, принцы и принцессы, турок, жокеи и цирковые наездницы — все, что может представить себе детское разыгравшееся воображение.

Млада *(не открывая глаз)*. Смотри, смотри, как смешно танцует этот турок! Он танцует вовсе не полонез. Ах, как смешно!..

И турок, пожав плечами, начинает снисходительно выделять неритмичные и смешные па: ведь Млада так вообразила, ничего не поделаешь!

Смотри, Млодек!! Нет, ваше величество, вы только взгляните! Все держат в руке по большому-пребольшому куску торта. Ну конечно! Это — полонез с тортом!..

У всех в одной руке появляется большой кусок торта.

А теперь они нам будут предлагать этот торт!..

Все начинают толпиться вокруг зажимурившихся Млады и Млодека и протягивать им свой торт, умоляюще приложив другую руку к сердцу. Еще крепче зажимурившись, Млада отщипательно качает головой.

Нет-нет, благодарим вас! Мы не хотим!

Все мимически еще более настойчиво умоляют детей отвезти торт, но Млада неумолима.

Млада. Нет-нет! Торт очень жирный, на нем слишком много крема!

Млодек и Млада облизываются.

Да вы, пожалуйста, не думайте, что мы сегодня вообще ничего не ели! Мы сегодня уже ели куриный бульон, кнедлики, цыпленка и бефстроганов с картофельным пюре. И картошка была совсем даже не мороженая. А потом мы четыре раза пили настоящее какао с консервированным молоком!

Все гости делают жест, говорящий: ну, раз так, тогда, конечно, о каком торте может идти речь! Громовый удар «барабана», и все, встрепенувшись, продолжают полонез.

Смотри, Млодек! Теперь это полонез с мороженым!

У всех в руках появляются большие вафельные стаканчики с мороженым.

Млодек. Интересно, оно сливовое или клубничное?

И мгновенно все гости бросаются к зажмурившимся детям, протягивая им стаканчики с мороженым.

Млада. Нет-нет, благодарим вас!

Млодек (*тихо*). А может, мороженое возьмем, а?

Млада. Ах, ваше величество! Неужели вы не знаете? От мороженого бывает ангина.

Млодек. И сразу становится холодно в животе. Правда, это очень приятно, но уж ладно, не будем, раз ангина. (*Облизывается.*)

Млада. И потом, оно пересахаренное.

Гости пробуют мороженое, делают гримасу отвращения и дружно сплевывают.

Вот видите, ваше величество! Оно пересахаренное. Вы должны объявить выговор вашим поварам.

Млодек (*вздыхает*). Ладно, объявим.

Млада (*гостям*). Танцуйте, танцуйте!

Гости снова танцуют. Полонез звучит все тише и тише, в нем уже не слышен угающийся «барабан». Танцующие постепенно сходят с площадки. И вот уже поет одна флейта. И она смолкла.

(Повторяет последнюю музыкальную фразу флейты.) Тра-ля-ля-ля-ля-ля-гум! (*Открывает глаза, прислушивается.*) Млодек!

Млодек (*тоже открывает глаза*). Ну?

Млада. Слышишь?.. (*Напряженно слушает.*) Бомбежка кончилась.

Млодек. А все-таки зря мы не взяли мороженое. Торт тоже могли бы взять. По кусочку.

Млада. Так ведь ничего же не было на самом деле.

Млодек. Это, конечно, верно.

Они продолжают сидеть.

Млада. Млодек!

Млодек. Что?

Млада. Хорошо бы уехать туда, где совсем нет неба.

Млодек. Это зачем еще?

Млада. Так ведь, если нет неба, самолетам негде летать.

Млодек. Все равно, есть орудия. Им неба не надо, они по земле ездят.

Млада. Да, правда. Млодек!

Млодек. Ну?

Млада. Давай еще поиграем.

Млодек. Давай. Во что?

Млада. Я-то знаю.

Млодек. А я?

Млада. Ты нет.

Млодек. А эта игра вообще есть?

Млада. Нет, это я сама придумала.

Млодек. «Придумала», «придумала»! Прямо какая-то пепормальная. Все придумываешь, придумываешь.

Млада. Ну и иди к нормальным! Вои Иренка очень даже нор-

мальная! (*Передразнивая.*) «Ночью падо спать, сидеть падо только на стульях, у меня помялось платънице, падо погладить!»... Надо, падо, падо!..

Млодек. Ну чего ты к ней цепляешься?

Млада. Я не цепляюсь. Я просто говорю: иди к нормальным.

Млодек. Ну и пойду.

Млада. Ну и иди.

Млодек. Ну и пойду. А что это за игра?

Млада. Ненормальная.

Млодек. Ладно, не злись.

Млада. Очень надо!.. Ты вчера слышал, как учитель рассказывал, что такое человечность?

Млодек. Здравствуйте! Целый урок только об этом и проговорил.

Млада. А я после урока думала. И потом еще думала. А потом еще и еще.

Млодек. И голова не заболела?

Млада. Думать все-таки лучше, чем языком облизывать собственный нос.

Млодек. Ну и что придумала?

Млада. Играть с тобой в человечность.

Млодек. А почему играть? Учитель говорил, что вообще падо быть человечным. В жизни.

Млада. Нет, это игра. Человек всегда любит себя больше, чем другого. Даже самого близкого. Ведь даже когда самый близкий умирает, человек кричит: «Как же теперь я без тебя?» «Я!» Давай играть в человечность. Очень хорошая игра, честное слово.

Млодек. Давай. А как?

Млада. Ну... если бы у тебя были ириски, ты бы мне отдал все до единой? Даже ту, которую спрятал в задний карман. Отдал бы?

Млодек. Это же в порядке вещей! А ты?

Млада. А я бы тебе оставила ту ириску, которую ты спрятал.

Млодек. Да, это человечно. Вот видишь, мы по-настоящему человечны, мы не играем.

Млада. Как же не играем! Ведь у нас нет ирисок.

Некоторое время дети сидят задумавшись. Потом встают и сходят с игровой площадки. На площадке поднимаются подлинный оберштурмбанфюрер Конрад Вольф и два солдата. Суровые и чуть усталые лица. Подлинная одежда, у солдат подлинные автоматы с поблескивающими воронеными стволами.

С другой стороны на площадку поднимаются карикатурные оберштурмбанфюрер и два солдата. Они зеркально повторяют движения подлинных, только чуть-чуть преувеличенно. Где-то в центре они совмещаются. Оказывается, что карикатурные похожи на подлинных. Карикатурные солдаты вешают на автоматные стволы подлинных солдат игрушки и пакеты, из которых торчат булки и сыр. Карикатурный оберштурмбанфюрер предлагает подлинному тамбурмажорский жезл. Подлинный отрицательно качает головой. Карикатуры сходят с площадки. На площадку поднимается учитель.

Вольф. Доброе утро, герр учитель. (*Представляется.*) Оберштурмбанфюрер Конрад Вольф.

Учитель. Доброе утро, господин оберштурмбанфюрер. Чем могу служить?

Вольф. Вы — глава этого приюта для сирот?

Учитель. Да.

Вольф. Они действительно сироты?

Учитель. У них нет родителей. Только я.

Вольф. Да. Понимаю. И, конечно, затруднения с продовольствием.

Учитель (*разводит руками*). Война.

Вольф. Мы принесли вашим детям вкусный завтрак. Масло. Белый броот. Вкусно. Очень вкусно! Игрушки тоже. Чтобы им было весело. Но где же дети?

Учитель. Спят. (*Смотрит на часы.*) Шесть часов сорок пять минут утра. Еще очень рано.

Вольф. Да-да. Мы пришли очень рано. Почти как Сапта Клаус,

хотя теперь не рождество. Но мы пришли с богатыми подарками, и детей можно будить.

Учитель. Еще не время для звонка.

Вольф. О! Какой порядок! Мы будем ждать.

Учитель. Но... у вас, наверное, много дел? Эти подарки попадут по адресу, даже если вы их просто оставите.

Вольф. Это тоже дело. Доброе дело. Мы будем ждать.

Учитель (*не выдержав, заглядывает в один из пакетов*). Настоящее масло?

Вольф. Маргарин. Я не хочу вас обманывать. Но очень похоже на масло. Немецкие дети тоже кушают этот маргарин. Очень, очень похоже на масло.

Учитель. Я не совсем понимаю...

Вольф. Нет. Вы не верите. Вы не верите в немецкую доброту.

Учитель. Я знаю доктрину рейхсфюрера: доброта, сочувствие — только для немцев.

Вольф. Это не изменение доктрины. Это — моя личная инициатива.

Учитель. А! Ваш округ. Какие-нибудь нейтральные обозреватели? Мировое общественное мнение? Эффектные фото?

Вольф. Ну, зачем так, герр учитель. Я знаю ваши книги. Я знаю, что вы — педагог, писатель, врач. Такими людьми, даже негерманского происхождения, третий рейх не бросается. Время и обстоятельства могут вносить коррективы даже в доктрину рейхсфюрера. Не пора дать звонок?

Учитель. Нет, еще рано.

Вольф. Вы жестокий человек. Вы злой человек. Столько вкусных вещей, а дети спят.

Учитель. Недостаток еды я компенсирую спом. (*Кивает на пакеты*.) Я полагаю, что эти изменения в доктрину рейхсфюрера вы не собираетесь вносить ежедневно?

Вольф. Здесь — нет.

Учитель. Как я должен это понять?

Вольф. Сегодня я хочу вывезти ваш приют на дачу.

Учитель (*ошеломленно*). На дачу?

Вольф. Прекрасный, живописный уголок. Холмы, рощи, речка.

Учитель. Настоящая дача или... тоже маргарин?

Вольф. Да вы шутник, герр учитель. Нет-нет, это масло. Все настоящее: и холмы, и рощи, и речка. Длинная польская речка с коротким названием «Буг».

Учитель. Треблинка?!

Вольф. Да.

Пауза.

Учитель. Скажите, господин оберштурмбанфюрер... У вас есть жена? Дети?

Одна из женщин в черном поднимается на площадку.

Вольф. К чему этот вопрос, герр учитель?

Женщина. Ты знаешь к чему, Конрад. Каждый раз ты сам себе его задаешь.

Вольф. Я не хочу, чтобы ты была здесь, Маргарита!

Маргарита. Если бы ты не хотел, меня бы здесь не было. Может быть, это совесть, Конрад?

Учитель. Вы мне не ответили, господин оберштурмбанфюрер.

Вольф. Да, есть. Жена и сын.

Маргарита. А если тебе прикажут и нашего Герберта отправить на эту «дачу»?

Вольф молчит.

Ну? Что же ты молчишь?

Учитель. Что же вы молчите, господин оберштурмбанфюрер?

Вольф (*учителю*). Вы что-то сказали?

Учитель. Я сказал: когда приходит эшелон с детьми, у ворот дачи играет духовой оркестр.

Вольф. Это большая, очень большая дача. Поэтому все торжественно. Оркестр из организации «Гитлерюгенд». Немецкие дети с музыкой встречают немецких детей.

Маргарита. Герберта, Конрад! Ты бледнеешь и мечешься по комнате, когда у него поднимается температура. Когда у него болит горло — тебе самому больно глотать. Ну?..

Вольф. Я солдат, Маргарита.

Маргарита. Ты хочешь сказать... что ты и Герберта...

Вольф. Я солдат, Маргарита. У меня есть только одно право: выполнить приказ и пустить себе пулю в лоб.

Маргарита. Ты чудовище, Конрад!

Учитель. На даче много и взрослых негерманского происхождения, господин оберштурмбанфиюрер.

Вольф. Детей кто-то должен обслуживать, герр учитель.

Маргарита. А если кто-нибудь из детей... будущий Шиллер?

Вольф. Перестань! Ко всему можно относиться по-разному. Это цифры, а не люди. Это — цифры. Человеко-единицы. Так легче.

Маргарита. Конрад, милый, значит, тебе бывает тяжело? Да? Значит, все-таки совесть?

Вольф. У меня нет собственной совести. Двадцать лет тому назад я отдал свою совесть фюреру.

Маргарита. Да. Это удобно.

Вольф. Как тебе не стыдно! Я никогда не думал о личных удобствах, о собственном благополучии. Я не из тех, кто становится национал-социалистом, чтобы сделать карьеру. Двадцать лет тому назад я был для тебя героем.

Маргарита. Я думала, это просто мужская игра в солдатки.

Вольф. За этой «игрой» стояла родина. «Германия — моя церковь!» Разве ты не молилась в этой церкви рядом со мной?

Учитель. А вышки? Сторожевые вышки вокруг забора?

Вольф. Детей надо оберегать, герр учитель. Война!

Маргарита. Но Польша — это тоже церковь для поляков!

Вольф. Давай прекратим этот разговор.

Маргарита. Откажись, Конрад! Уйди в отставку, заболей, соплишь на нервы.

Вольф. Отказаться можно от работы, от дела. Нельзя отказаться от миссии.

Маргарита. Ты считаешь это «миссией»?

Вольф молчит.

Я помню «Стеклянную ночь» в Берлине, когда громили евреев. Ты был в отъезде. В твоём кабинете, Конрад, я прятала четверых еврейских детей.

Вольф молчит.

Ты слышишь, Конрад?

Вольф. Да, слышу.

Маргарита. Почему ты молчишь?

Учитель. Что же вы опять молчите, господин оберштурмбанфиюрер?

Вольф (*учителю*). Вы что-то сказали?

Учитель. Я сказал: у ворот дачи стоит усиленный конвой. И детей отсчитывают поштучно.

Вольф. Наша слабость: мы любим порядок. (*Маргарите*.) Очень может быть, что на твоём месте я тоже их спрятал бы.

Маргарита. Это правда?

Вольф. Да. Но мы должны освободить немцев от некоторых врожденных чувств. От чувства неразумной доброты, например.

Маргарита. Даже звери иногда падают чужих детенышей!

Вольф. Мы не звери, Маргарита. Мы люди. Мы не должны поощрять в себе звериные инстинкты. Поэтому немецкая доброта должна находиться в ведении государства. Как хлеб и масло. Ее надо распределять разумно.

Учитель. Потом ворота закрываются. Детей даже не выводят погулять на холмы и в рощи.

Вольф. Откуда вам это известно? Это новое дело. Мы никого об этом не оповещали. Но на территории дачи есть и холмы, и рощи, и речка.

Учитель. И труба. Большая труба, из которой круглые сутки идет дым.

Маргарита. Конрад, он все знает.

Вольф (*учителю*). Теплоцентральный. Ночью бывает прохладно. Дети могут простудиться.

Учитель. Дети на этой даче не могут простудиться, господин оберштурмбанфиюрер.

Маргарита. Конрад, он все знает. Слухи о Треблинке уже расползлись по Варшаве.

Вольф (*учителю*). Теплоцентральный — это дорого, но зато дети не могут заболеть ни гриппом, ни ангиной, ни воспалением легких. Вы, как врач, должны это оценить.

Учитель. Конечно, конечно. Дети не могут заболеть ни гриппом, ни ангиной, ни воспалением легких. Мертвые дети вообще не болеют. Это я вам говорю как врач.

Пауза.

Маргарита. Он ждет, Конрад. Он ждет, что ты опровергнешь это.

Вольф. Как я могу это опровергнуть?

Маргарита. Ты действительно можешь вывезти их куда-нибудь за город. И спрятать. Это тебе зачтется. Я знаю, это тебе зачтется!

Вольф. Хватит об этом! У меня должна быть ясная голова. Я на службе.

Маргарита. Твоя служба — распоряжаться жизнью и смертью? Конрад, ты бог?

Вольф. Я не бог, Маргарита. Но мы руки господ бога.

Маргарита. Теперь я даже не могу сказать «господи»!.. (*Сходит с площадки.*)

Вольф поворачивается к учителю.

Вольф. Откуда вы знаете, что дети умирают на этой даче?

Учитель. Разве я сказал «умирают»?

Вольф. Вы сказали «мертвые дети».

Учитель (*тихо, не очень уверенно*). Детей убивают.

Пауза.

Вольф. Это — приказ.

Учитель. Что?! Значит... значит, это правда? Нет-нет! Этого быть не может! Вы пошутили, да?

Вольф (*усмехается*). Толстый немецкий юмор, как говорят о нас некоторые немцы.

Учитель (*он жалок*). Нет-нет, почему же «толстый». Просто... не совсем удачный. Вот и все. Но вы пошутили, не так ли?

Вольф. Нет. Это негласный приказ рейхсфюрера.

Учитель. Так почему же вы мне о нем говорите?

Вольф (*зло*). А вы бы предпочли ничего не знать? Так спокойнее?

Учитель. Но я тоже не немец!

Вольф. Вы идете у нас по первой категории. Вы не подлежите... этому. Тем более, вы делали вид, что вам все известно.

Учитель. Но я предполагал... я надеялся, что...

Вольф. Что? (*Вынимает сигарету, смотрит на учителя.*)

Учитель услужливо хлопает себя по карманам, достает спички, дает Вольфу прикурить.

(*Затягивается.*) Что я опровергну этот слухок, который просачивается вместе с дымом из треблинской трубы?

Учитель. Но это теплоцентральный, и только. Конечно же, по ночам бывает прохладно. Это только теплоцентральный, да?

Вольф. Это крематорий.

Учитель. Нет! Вы клевете на себя. Вы же человек! Прошу вас, посмотрите в зеркало. Вы — человек! У вас руки музыканта, у вас лоб мыслителя. Если я возьму стетоскоп и прослушаю вашу грудь, я услышу, как бьется сердце. Вы — человек! Нормальный человек с головой, руками и сердцем!

Вольф. Благодарю вас, герр учитель.

Учитель. Вот видите! Вы знаете человеческие слова! «Благодарю», «пожалуйста», «будьте добры»...

Вольф. Будьте добры, успокойтесь.

Учитель. Да-да. Конечно. Надо успокоиться. Ах, господин оберштурмбанфюрер, как вы меня напугали! Нельзя так шутить, господин оберштурмбанфюрер! Сейчас, сейчас я разбужу детей, и мы дадим им эти сказочные продукты.

Вольф. Погодите!

Учитель (*суетится*). Пора, пора будить детей.

Вольф. Я надеюсь, вы понимаете, что дети не должны ничего знать?

Учитель. Конечно, конечно! Вы очень скромны! Это прекрасное человеческое качество. Конечно, если вы не хотите, я им не скажу, кто принес этот чудесный завтрак.

Вольф. Дети не должны знать, что их ждет. Это было бы бесчеловечно.

Пауза.

Учитель. Значит... все — правда?

Вольф молчит.

И... как вы это делаете?

Вольф. Газовые камеры у нас оформлены, как души. Кафельные души. И края совсем как настоящие. Только из них идет не вода, а газ. И много-много разноцветных резиновых игрушек: зеленые лягушки, розовые лебеди. Как в старых добрых немецких сказках про зверей. Обычно дети веселятся до последней секунды. Хлопают друг друга этими игрушками по голове, по спинам...

Учитель. Да-да. Старые добрые немецкие сказки. Только теперь события происходят в местах, облицованных кафелем. Чтобы удобнее было мыть сказку после употребления. И по всей сказке разносится вкусный запах только что вскипевшего молока.

Вольф. Герр учитель! Поймите! Дети — это только черновики. Каждый ребенок — это еще только черновик человека. Неудачные черновики выбрасывают, сжигают. Они не должны становиться достоянием.

Учитель. Черновики?.. Значит, вы тоже были когда-то черновиком? И вы полагаете, что получилось очень удачно, когда вас переписали набело? Вы уверены, что вы «достояние»? Скажите, а современные немецкие дети сразу создаются... набело?

Вольф. В современных немецких детях заложены три истины: бог, фюрер, я. Эти «я» превращаются в бесчисленные «мы». А мы несем в мир озон нашей веры.

Учитель. А вам не приходило на ум, что когда-нибудь история

стукнет ваших детей по голове. И они перестанут верить, а начнут думать. И превратятся в прекрасные черновики человеческих мыслей и чувств. Чтобы из этих ваших бесчисленных коровьих «мм-ы» превратиться в настоящих людей. И, поверьте, в этих запоздалых черновиках найдется место и для презрения, и для стыда за своих отцов.

Вольф. О какой истории вы говорите? Войска фюрера под Москвой.

Учитель. Да-да. Я это слышал по радио уже месяца два тому назад. И знаете, что я сделал? Я купил триста шестьдесят пять фотографий фюрера. Мне их продали по дешевке как оптовому покупателю. Теперь это мой календарь. Каждый день я рву по одной фотографии. Иногда у меня бывает сильное желание порвать сразу две, три, чтобы хоть на два-три дня ускорить ход событий. Но я сдерживаю себя. Я рву только по одной. Я реалист и понимаю, что по одному фюреру в депь — это уже хорошо!

Вольф. Я надеюсь, вы понимаете и то, чем это грозит? (*Вынимает из кармана пистолет.*)

Учитель. Мне повернуться спиной, или... как это у вас делается?

Вольф (*медленно поднимает пистолет, нажимает курок. Над магазинной частью пистолета вспыхивает пламя. Раскуривает потухшую сигарету, прячет пистолет-зажигалку в карман*). Вы трус, герр доктор. Я не хочу стрелять. Я хочу, чтобы вы проводили детей до ворот Треблинки. Чтобы вы проделали этот путь, которого вы так боитесь. И тогда...

Учитель. Я получу вашу пулю?

Вольф. О нет. Тогда вы проводите до ворот Треблинки второй эшелон детей. Потом — третий и так дальше.

Учитель. Я буду об этом кричать на улице!

Вольф. Да, мы вам дадим возможность кричать об этом на улице. После того как вы проводите первый эшелон. Тогда вы будете кричать: «Смотрите на меня! Вот иду я, старый, всеми уважаемый польский учитель. Это я провожаю детей до ворот Треблинки. Когда ко мне пришел оберштурмбанфюрер Конрад Вольф, я спросил: чем могу служить?.. И добрый

Конрад Вольф дал мне прекрасную службу. У меня паек штурмбанфюрера, мною доволен рейхсфюрер, и сам фюрер наградил меня орденом за великолепную идею.

Учитель. Какую идею?!

Вольф. «По всей сказке разносится вкусный запах только что вскипевшего молока». Газ должен иметь запах только что вскипевшего молока. Рейхсфюрер будет в восторге. Прекрасная идея, достойная высокой награды.

Учитель (*поворачивается к двум солдатам, сопровождающим Конрада Вольфа*). Люди, послушайте! Неужели вы надели эту форму, чтобы воевать с детьми?.. Убитые идут за живыми. Если ты убил человека, он идет за тобой всю твою жизнь. А если ты убил ребенка? За тобой идет взрослый, тот, кем стал бы этот ребенок. Он идет и пестит на руках себя, маленького, которого ты убил, и не дал стать ему человеком. Неужели вы не понимаете, что дети похожи на весну? Они похожи на маленькие клейкие листочки, которые обязательно должны превратиться в большие листья. Иначе — как дышать? Разве можно убивать будущее, люди?

(*Напряженно всматривается в лица солдат — в суровые и неглупые лица.*)

Один из солдат лезет в карман, достает две губные гармонички и передает одну своему товарищу. Они прикладывают гармонички к губам и начинают наигрывать «Ах, мой милый Августин».

Вольф (*учителю*). Bravo! Bravo! Прекрасная речь. Но вы не учили одного: этим солдатам сделали идеологическую операцию. Доктор Геббельс — прекрасный хирург. Он нейрохирург. Он умеет вырезать из человеческой головы все, что не нужно третьему рейху. Он сделал так, что солдаты не видят своих поступков. Они — слепые исполнители. Они ни за что не должны отвечать. Ответать будет фюрер. Перед богом. Но бог поймет фюрера, это наш бог. Однажды бог спустился на парашюте марки «Хейнкель» и вручил фюреру партийный билет помер один. Этот билет выписал в небесной канцеля-

рии, герр учитель! Немцы еще ничего не знали. Лично я упиался Гёте и Шиллером и плакал над «Лорелеей». Но Фюрер сказал: «Немцы, вы отмечены богом! Пусть каждый немец запрет свое сердце на ключ и этот ключ отдаст мне. Потому что вокруг беспорядок: русские, поляки, евреи кричат: наши дети — это наше будущее! Но у человечества не может быть много разного будущего. Среди человечества должен произойти отбор. Победят те, у кого сердца заперты на ключ». Да, у меня руки музыканта. Я играл Баха и плакал. Но после хоралов Баха можно обнимать кого угодно. Прочь! Гёте, Шиллер? Это интеллигентские отмычки к нашим сердцам, а мы предпочитаем гентские сосиски. Искусство может гордиться: ему досталась первая пуля фюрера. Только портреты героев третьего рейха! Только марши! Все в ногу, все в ногу, никаких отклонений! Друм-линкс-цвай-драй! Друм-рехтс-цвай-драй! Кто не в ногу — тот враг! Мы — солдаты! Победив, мы станем поэтами. И тогда фюрер отдаст нам наши ключи, и мы откроем наши сердца. И впустим туда соловьиные трели, и вырастим розовые кусты. И выдвинем из своей среды нового Гёте.

Учитель. Вы не выдвинете из своей среды нового Гёте, господин оберштурмбанфюрер! Гёте не умеет ходить в ногу.

Вольф. Да-да. Ваш юмор. Но вы не немец. Будите детей!

Учитель. Дежурные уже встали, господин оберштурмбанфюрер. Вот они.

Млодек и Млада. Они застыли, глядя на автоматы, на которых навешаны игрушки и всевозможные яства.

Млада. Это — сон! Только во сне на ружьях могут расти булочки! И сыр! Смотри, Млодек, настоящий сыр! Как жалко, что только я одна вижу этот сон!

Млодек. Но я тоже его вижу!

Млада. Нет-нет! Это мне снится, что ты тоже его видишь! Ведь ты в моем сне. А разве могут люди видеть одинаковые сны? Ты в моем сне. Я здесь королева! Смотри, я беру булку, и мне солдат ничего не сделает. (*Осторожно берет булку.*) Вот

видишь?.. На, Млодек! *(Сует ему булку.)* Ешь, пожалуйста. Когда мы проснемся, я тебе расскажу, как ты хорошо поел в моем сне. И сыр ешь. И маслом помажь гуще, вот так. Какой ты худой у меня, Млодек! Но я постараюсь каждую ночь видеть такие вкусные сны. И я тебя как следует откормлю. Ты станешь у меня розовый и толстый. Вкусно, правда?

Млодек *(с полным ртом)*. Мммм!..

Млада. Ешь, ешь, пожалуйста. Как жалко, что мне не снятся сейчас малыши. Я бы их тоже накормила. На всех хватит!.. А вот учитель! Наш старый учитель! Вот молодец, он тоже мне приснился. Ешьте, пап учитель, пожалуйста, прошу вас! Не бойтесь, солдаты ничего не сделают, это ведь мой сон. *(Подходит к Вольфу.)* Ну зачем вы-то мне приснились? Я же боюсь офицеров, а вы мне приснились!

Вольф. Почему маленькая фрау боится офицеров?

Млада. Нет, вы вроде ничего. Добрый. Голос у вас добрый. Млодек, смотри! Добрый гестаовец! Надо же, чтоб такое приснилось?.. *(Бесцеремонно рассматривает Вольфа, даже поворачивает его.)* Ешьте, пожалуйста, хотя вы совсем не худой. Но уж раз приснились — пожалуйста, ешьте! Все надо съесть, пока я не проснулась. А то вдруг больше такое не приснится?

Вольф. Маленькая фрау может не беспокоиться: это не сон.

Млада. Вы хотите сказать, что все это взаправду?

Вольф. Да-да. Я именно это хочу сказать.

Млада. Тогда ущипните меня.

Вольф. Но маленькой фрау будет больно!

Млада *(учителю)*. Тогда — вы.

Учитель. Господин оберштурмбанфюрер прав: это все на самом деле.

Млодек. Ой!

Млада. Ты что, Млодек?

Млодек. Я себя ущипнул. Вот видишь синяк?

Млада. Ну?

Млодек. Все осталось как прежде. Ничего не исчезло.

Млада *(снова оглядывает все вокруг, тихо)*. Млодек! Что это?

Учитель. Это подарок господина оберштурмбанфюрера, девочка. Сегодня нас переводят на дачу.

Млада. Правда?

Вольф. Герр учитель сказал вам истинную правду.

Учитель *(детям)*. Накормите малышей и приготовьте их в дорогу.

Вольф. Прошу вас, маленькая фрау! *(Галантно предлагает согнутый локоть Младе.)*

Млада берет Вольфа под руку. Все, кроме учителя, сходят с площадки.

Учитель. Он прав. Дети не должны ничего знать.

На площадку поднимается рыже-белый клоун.

Клоун *(кричит, как цирковую репризу)*. Сейчас пойду в аптеку, куплю люминал и повешусь. Ха-ха-ха!

Учитель *(не глядя в его сторону)*. Зачем люминал, если хочешь повеситься?

Клоун. Для смеха.

Учитель. А! Ну, тогда конечно. Иначе действительно не смешно. Посмеши еще, пап клоун.

Клоун. Меня зовут пап Пропал. Смешно?

Учитель. Пожалуй, нет.

Клоун. А так? *(Из его глаз двумя фонтанами брызнули слезы.)*

Учитель. Мне вообще никогда не бывает смешно, когда текут слезы. Даже такие, как эти!

Клоун. А в цирке ничего... одобряют. *(Снова — фонтанчики.)* Со всем не смешно?

Учитель. Нет.

Клоун. А самое смешное в этой истории знаешь что?

Учитель. Что?

Клоун. Что слезы-то настоящие. Да-да, самые настоящие. Соленые.

Учитель. Ты действительно плачешь?

Клоун. Конечно! А ты меня не узнал?

Учитель. Нет.

Клоун. Я — добрый волшебник. Бывший, конечно. Теперь дети не верят в добрых волшебников.

Учитель. Ты поэтому и ушел в цирк?

Клоун. Нет, не поэтому. Я бы мог убедить детей. Им много надо. Просто страшно теперь делать добро.

Учитель. Страшно?

Клоун. Конечно! Ночью шел я мимо одного дома. Слышу, плачет женщина. Я остановился. Ну, понял, в чем дело: полтора года от мужа никаких вестей. Вынул из кармана волшебную палочку — раз, раз — слышу, вскрикнула. Потом засмеялась: муж рядом с пей. Я рад, женщина рада, муж рад... и гестаповцы рады: полтора года он от них скрывался, а этой ночью они его взяли. Утром я напялся в цирк, там как раз разбился клоун. В пару мне никого не могли дать. Экономия. Поэтому я сам себе клоунская пара. Бимбом. Без черточка между именами. Цельный Бимбом. Правой рукой бью себя по левой щеке. *(Бьет.)* Смешно?

Учитель. Нет.

Клоун. На самом-то деле я — пап Пропал.

Учитель. Да. Понимаю.

Клоун. Хочешь, покажу фокус с картами?

Учитель. Нет.

Клоун. Верно. Одно жульничество. Только слезы у меня настоящие. А все думают, что механика. И хохочут. Вот в чем беда.

Учитель. У меня еще большая беда.

Клоун. Знаю.

Учитель. Помог бы. Ты ведь настоящий добрый волшебник.

Клоун. Настоящий! Я же тебе сказал: у меня только слезы настоящие. А все остальное так, клоунада. Знаешь, какой у меня коронный номер?.. Я обхожу манеж шесть раз с вытянутой вот так рукой и девяносто девять раз кричу: «Хайль!» Весь цирк встает и девяносто девять раз мне отвечает: «Хайль!» Ну просто цирк! *(Хихикает.)* Смешно?

Учитель. Не очень.

Клоун. А все артисты запираются в своих уборных и давятся от смеха. Шепотом, конечно.

Учитель. Покажи волшебную палочку.

Клоун *(вынимает из кармана палочку)*. Вот. Только она не работает после того случая с женщиной. У нее что-то трясется внутри. *(Потряс палочкой.)* Слышишь? Она даже в фокусах мне помочь не может. Заболела она, что ли?

Учитель *(берет палочку)*. Заболела?.. Ты хотел сказать «сломалась»?

Клоун. Ну да. Сломалась. Прости.

Учитель. А может быть, действительно заболела?

Клоун. Нет-нет. Ты прав. Сломалась.

Учитель. Да. Она заболела.

Клоун *(робко)*. Сломалась.

Учитель. Не смешно! Заболела — это смешно. Вещь, палочка — испугалась и заболела. А?.. *(Швыряет палочку в сторону.)*

Клоун. А может, она еще пригодилась бы?

Учитель. Нечего обращаться за помощью к вещам! Теперь вещи больше всего боятся, чтобы их не сломали. Нет-нет, вещи не надо трогать. Вот человек — это другое дело. Если, разумеется, он остался человеком, а не превратился в вещь. Есть такие люди — вещи. Они дышат, смотрят, у них есть руки, но они вещи. Они дышат, но только для себя. Они смотрят, но только себе под ноги, чтоб не споткнуться. У них есть руки, но ни одна из этих рук не протянется как рука помощи...

Клоун. Тсс!

Учитель. В чем дело?

Клоун. Ты шепотом, шепотом! Ну?.. *(Потирает руки.)* Давай дальше!

Учитель. Что?

Клоун. Давай, давай! Всю правду! Только шепотом! А то, может, запрем дверь, а?

Учитель. А ведь ты — вещь. Ты кого испугался? Немцев?

Клоун. Нет.

Учитель. Тогда кого же?

Клоун. Детей.

Пауза. Свет гаснет. В луче прожектора — только учитель.

Голос клоуна. Может, все-таки поищем волшебную палочку? Починим?

Учитель. Но у нее что-то трясется внутри. У половины людей на земном шаре сегодня что-то трясется внутри, что же ты хочешь от какой-то паршивой волшебной палочки? Разве она может остановить время? Пройдут сутки. Или двое суток. И из товарного вагона выйдет старый учитель из старой Варшавы. Сбоку от него пойдут двое дежурных: детский дом выезжает на дачу, а в доме должен быть порядок! Два солдата встанут по флангам, на их ружьях будут болтаться дорогие игрушки, которые потом надо вернуть на склад: ведь пол-Европы теперь их «дом», а в доме должен быть порядок! И в придачу — смешной клоун из цирка, пан Пропал, добрая затея господина оберштурмбанфюрера, чтобы дети смеялись и ни о чем не думали...

Свет загорается. Прямо на зал — шеренгой — идут учитель, Млодек и Млада с рюкзаками, солдаты, клоун. У Млады в руке зеленая садовая лейка. Сзади маячит карикатурный оберштурмбанфюрер с тамбурмажорским жезлом и карикатурные солдаты. Карикатурный оберштурмбанфюрер поднимает жезл, и в отдалении начинает играть духовой оркестр.

(Простирает перед собой руки.)

А впереди —

отсчитанные поштучно господином оберштурмбанфюрером сто пятьдесят малышей.

Они повуро тащат целлофановые мешочки с зубными щетками, зубным порошком

и кусочками пастоящего мыла,

которые подарил им добрый Конрад Вольф.

Дети!

Почему вы такие грустные?

Мы выезжаем на дачу!

Там есть рощи, холмы и прозрачная речка.

Вы видите большую трубу,

из которой идет дым?

Это — теплоцентраль.

Ее построили добрые дяди из гестапо, потому

что по почам бывает прохладно!

Что же вы молчите?

Разве дети должны идти и думать

о себе,

о жизни,

о других детях?..

Дети должны всегда хохотать,

ходить на голове,

играть в салочки,

сосать леденцы,

прыгать и веселиться!..

Сначала вы войдете в большую комнату,

выложенную кафелем.

Там будут сверкающие краны,

большие розовые лебеди

и зеленые лягушки величиной с подушку.

Этими игрушками

можно колотить друг друга по голове,

и совсем не будет больно,

а, наоборот,

очень-очень смешно!

И вдруг

разнесется вкусный запах

только что вскипевшего молока!

Нет, вы себе представляете,

как это замечательно?

Что же вы молчите,

дети?..

Клоун. А вот насмешу! А вот насмешу! (Поднимает голову, и из его глаз начинают бить длинные фонтанчики. Хочет прозвучать клоунским голосом.)

Все ближе и ближе звучит духовой оркестр. Все ближе и ближе, все громче и громче. Он уже звучит нестерпимо громко, фанфары врезаются в уши, каждый удар барабана как удар по голове. На самой высокой ноте, не доиграв музыкальной фразы, оркестр резко смолкает.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Сцена несколько изменилась. Вернее, изменились одежда исполнителей и их позы: почти все они одеты в длинные серые балахоны и сидят «на земле» в кажущемся беспорядке, заполняя всю сцену.

Словно все завалено большими серыми камнями.

Среди серых фигур выделяются в разных местах четыре фигуры женщин, одетых в черное.

Сцену обрамляет строй немецких солдат с автоматами. К игровой площадке привалились уже знакомые нам два конвоира с автоматами, на стволах которых нанизаны игрушки. Посредине площадки сидит старик в сером балахоне, смешной обтрепанной шляпе и под раскрытым обтрепанным зонтиком. Видимо, все происходит на поляне перед воротами лагеря, в который нельзя затолкать сразу всех. И те, кто на сцене, просто ждут своей очереди.

Учитель, Молодек, Млада.

Пан Пропад играет на воображаемой скрипке, перебегая от солдата к солдату.

Его скрипка поет нежную и грустную мелодию.

Но солдаты ведут себя странно: некоторые хохочут, иные принимают пританцовывать, словно клоун играет «Ах, мой милый Августин». И все одобрительно хлопают клоуна по спине, по плечам, по чему попало.

Клоун подбегает к солдатам с игрушками. Один из них прогоняет его пинком.

Клоун перестает играть, обескураженный подходит к учителю.

Клоун. Я им играл про весну, про маленькие клейкие листья. Про то, как неудобно быть маленьким: приходится все время задирать голову, все где-то наверху, над тобой — и небо, и

взрослые, и деревья. И от этого чувствуешь себя каким-то затерянным. Про то, что дети любят стоять возле взрослых, когда взрослые сидят. Тогда дети видят наши глаза, и им не так страшно.

Учитель. Ты думал, что уговоришь их расступиться и выпустить нас?

Клоун. Да. Но они все слышат не так, как мы, люди. Они хохотали и приплясывали, словно я играл им фокстрот.

Учитель. Это прекрасно.

Клоун. Что же тут прекрасного? Что они всему разучились?

Учитель. Нет-нет, не это. Ты сказал: мы — люди! Значит, ты постепенно из волшебника становишься человеком. Вот что прекрасно!

Безнадежно махнув рукой, клоун тоже заворачивается в серый балахон и застывает. Лучи света переносят внимание на двух конвойных с игрушками на автоматах.

Первый конвойный. Что он тут пиликал, этот тип?

Второй конвойный. Лошадиный галоп какой-нибудь. Он же из цирка.

Первый конвойный. Пилил, пилил... ты правильно дал ему под зад.

Второй конвойный. Заткнись.

Первый конвойный *(кивает куда-то в сторону кулис)*. Заснули.

Второй конвойный. Кто?

Первый конвойный. Да они, маленькпе. Наверное, устали.

Второй конвойный. Кто?

Первый конвойный. «Кто», «кто»! Дети!

Второй конвойный. Никаких детей! Человеко-единицы они. Ясно?

Первый конвойный. Да какие они единицы! Каждый не больше пфеннига. Твоего как зовут?

Второй конвойный. Не моего, мою. Гретхен. Ей двенадцать.

Первый конвойный. А мою Анна. Анхен. Семь с половиной.

(Кивает в сторону кулис.) У них у всех, наверное, тоже светлые глаза.

Второй конвойный. Нет, есть и коричневые, и черные. Это ведь раса такал. У них редко бывают светлые глаза, как у германцев.

Первый конвойный. Я не про то. У всех детей светлые глаза, даже черные и коричневые. Какая-то чепуха в голову лезет... что неудобно быть маленьким... все где-то наверху, над тобой... и небо, и взрослые, и деревья...

Второй конвойный. Ты что, ты что? На Восточный захотел? Первый конвойный *(орет)*. Штыка ему под зад надо, этому разноцветному! Пиликают тут!

Второй конвойный *(орет)*. Человеко-единицы они! И мы их не трогаем! Вон игрушки за ними таскаем!

Испуганно смотрят друг на друга. Одновременно выбрасывают правую руку вперед.

Зиг!..

Первый конвойный. Хайль!..

Второй конвойный. Зиг!..

Первый конвойный. Хайль!..

Второй конвойный. Зиг!..

Первый конвойный. Хайль!..

Учитель подходит к старику с зонтиком.

Учитель. Разве идет дождь?

Старик. Почему если зонтик, то обязательно дождь? Просто в жизни надо за что-то держаться!

Учитель. Пан не из тех, кто выходит в ясную погоду с зонтиком? На всякий случай — а вдруг пойдет дождь?

Старик. Ну, а вдруг действительно пойдет?

Учитель. Вот пан и выйдет сухим из воды!

Старик наклоняет зонтик. Он весь в больших дырах.

(Усмехается.) Пан прав: этот зонтик годится только на то, чтобы за него держаться.

Старик. Я же вам сказал: в жизни надо за что-то держаться. Хотя бы за собственные дыры. Пану учителю труднее: ему надо держаться вместе с целым выводком.

Учитель. Мы держимся друг за друга.

Старик. Прошу прощения! Тогда пану учителю совсем легко.

Учитель. Вы меня знаете?

Старик. Кто вас не знает, пан сказочник.

Учитель. Вы и это знаете?

Старик. Как будто я не переплетал ваши книги.

Учитель. Пан — переплетчик?

Старик. Был. Разве я могу конкурировать с немцами? Они всех взяли в такой переплет, какой мне и не снился. Да еще золотом вытиснили на нем похабное слово: Гитлер!

Учитель. За паном пришли солдаты?

Старик. Что я, сумасшедший, чтобы дожидаться немца в дом? Когда в дом входит немец, в доме всегда остается покойник: или хозяин, или его совесть. Нет-нет, я сам пришел, по повестке. Они же культурные люди! Они знают, что, если человеку прислать повестку, человек немедленно прибежит к ним с этой повесткой в зубах. И так ретиво, как будто он сам себе гестаповец! Но в пемцах осталось что-то человеческое: говорят, они дадут нам возможность помыться в душе. Это было бы таким счастьем! Вы не знаете, откуда у них столько горячей воды?

Учитель. Теплоцентральный.

Старик. Да-да. Техника. Немецкая техника. Они здорово нас опередили. Но все-таки русские им дали по зубам. Под Москвой. Вы не слышали?

Учитель. Нет.

Старик. Жаль. Пока нам не заткнули уши колючей проволокой, хотелось бы услышать что-то приятное. У них определенно не кленется на Восточном фронте.

Учитель. Пану видней: ведь он всю жизнь имел дело с клеем.

Старик. Да-да. Вот именно. Вся жизнь! Но разве я мог предположить, что когда-нибудь буду мучительно думать: кленется у немцев на Восточном фронте или не кленется. И связывать

это со всей своей жизнью. В молодости я просто мечтал склеивать разбитых кукол. Чтобы маленькие дети как можно меньше расстраивались. Но я не мог преодолеть робость ни перед детьми, ни перед куклами. Чтобы склеивать кукол, надо иметь очень тонкие пальцы! Но все-таки я склеил всех разбитых кукол в мире.

Учитель. Как вам это удалось?

Старик. Очень просто: в мечтах.

Учитель. Да вы — мастер Клей!

Старик. Что вы, что вы, пан учитель! Я — переплетчик.

Учитель. Нет-нет! Вы — король в доброй стране Клея. Млодек! Посмотри, у него под шляпой корона!

Млодек не очень охотно встает, подходит к старику, берет за его шляпу.

Млада. Осторожнее, Млодек! Корона очень тонкая, не сломай! Млодек (*сняв с переплетчика шляпу*). Ну? Просто шевелюра. Это же в порядке вещей! (*Снова надевает на старика шляпу, отходит на свое место.*)

Старик (*учителю, тихо*). Вы... хотите увести детей в сказку?

Учитель. А что мне остается? Это единственная дорога, на которой еще можно дышать. Мы же обложены со всех сторон!

Старик. Хорошо, чур я буду на короля Клея.

И переплетчик и учитель задумываются. Млада на цыпочках подходит к старику. Быстро и ловко снимает с него шляпу. Под шляпой на голове старого переплетчика сверкает корона.

Млада. Добрый день, пан Клей!

Старик. Ах, девочка! Тебя не удивляет, что я сижу один со своей короной на голове, а рядом никого из моих подданных?

Млада. Конечно, пан Клей! Где же ваше королевство?

Старик. Да здесь, здесь, вокруг! Только его никто не видит. Это такое несчастье! Ты знаешь, у меня есть страшный враг — пан Разбивала. Как только ребенок берет в руки парадную большую куклу — пан Разбивала тут как тут. Незаметно

толкнет под локоть, кукла на пол — тррах! — и вдребезги. На свете есть любовь и дружба, девочка. Это — когда человек берет в руки сердце другого человека и несет его через все невзгоды, бережно и осторожно. Но пан Разбивала тут как тут. Незаметно даст подножку, человек споткнется, и сердце друга — тррах! — и вдребезги. Но мои мастера не спускали глаз с пана Разбивалы. Пан Разбивала тут как тут, и мои мастера тут как тут. Пан Разбивала нашкодит, а мои мастера соберут осколки, помажут клеем, приставят друг к другу — и кукла оживает, и даже еще громче, чем прежде, говорит «мама». И еще крепче зажмуривает глаза, и еще шире открывает их. Разбитые сердца мы тоже научились склеивать. От этого любовь и дружба становились только крепче: ведь они прошли через великое испытание, а мои мастера знают тайну волшебного клея. Пан Разбивала места себе не находил от ярости! И вот однажды он договорился со злыми волшебниками — со всеми сразу! — и они сделали мое королевство невидимым. И мир сразу наполнился разбитыми куклами и разбитыми сердцами. Пан Разбивала разгулялся вовсю, и дворники едва успевали выметать осколки.

Млада (*чуть не плача*). Что же ваши мастера?!

Старик. Девочка! Они же перестали видеть свои руки! А когда человек не видит свои руки, он уже ничего не может ими делать. Теперь все зависит от тебя.

Млада. От меня?!

Старик. Или от этого мальчика. (*Кивает на Млодека.*) Кто-нибудь из вас должен очень-очень постараться, может быть, даже приставить к глазам ладонь козырьком и увидеть мое королевство таким, каким оно всегда было. И тогда оно снова станет видимым для всех. А мои мастера увидят свои руки и примутся за работу засучив рукава. А то кто же может засучить рукава, если их совершенно не видно?

Учитель. Ну, Млодек?

Млодек (*растерянно озирается*). Так пичего же нет!

Млада (*приставив к глазам ладонь козырьком*). Я вижу, я вижу!..

Старик (*взволнованно*). Что, что ты увидела, девочка?..

Млада. Вон — деревья... Они очень похожи на яблони, только па них растут тубики с клеем.

Старик. Совершенно верно, именно там растут эти деревья.

Млада. Какие толстые тубики! В них столько клея, что они вот-вот лопнут.

Старик. Да-да. Они созрели. Сейчас как раз время собирать волшебный клей. Ты чувствуешь, как вкусно запахло клеем?

Млада. А вон — домики. Какие смешные! Вместо черепицы — плитки столярного клея. И вместо стекол — плитки столярного клея. Нет, они все-таки очень хорошецькие.

Старик. Девочка! В этих домиках живут мои мастера!

Млада. А вон кисточковая роща... Да это просто целый лес кисточек!

Старик (*погирает руки*). Ну, берегись, пан Разбивала! Кисточки-то уродились на славу. Видишь, девочка, какие блестящие и упругие ворсинки?

Млада. Конечно! Такими кисточками, наверное, очень удобно клеить. А там — озеро янтарного клея. И по озеру плывут нарядные лодки. А в них куклы, игрушечные человечки и какие-то еще... в разноцветных плащах...

Старик. Это мои мастера! Не успела ты их увидеть, а они уже засучили рукава и поработали! Говоришь, в лодках много склеенных игрушек?

Млада. Полным-полно! И играет музыка... Слышите?

Возникает тихая и приятная музыка.

Млодек, слышишь?

Млодек. Спрашиваешь! Что я, глухой?

Музыка приближается.

Старик. Девочка, ты — добрая волшебница?

Млада. Лодки уже совсем близко. Вот они стукнулись о берег. Сейчас игрушки будут здесь!

И на площадку выходит красочное шествие. Идут мастера в разноцветных плащах. Каждый мастер в одной руке

несет большую кисточку, другой рукой поддерживает идущую рядом куклу. Это — те же гости, которые были на балу у Млады и Млодека, когда они играли в короля Матиуша. Те же цирковые наездницы, те же принцы и принцессы, тот же турок. Только теперь их движения стали механическими: ведь на этот раз Млада вообразила, что они куклы, игрушки. Старик подает Младе руку, и они открывают праздничный танец. И вдруг раздается полицейский свисток. Музыка смолкает. Мастера и игрушки сбиваются в одном конце площадки. На другом конце стоят карикатурный оберштурмбанфюрер и карикатурные солдаты. Солдаты с ног до головы обвешаны игрушечными автоматами.

Карикатурный оберштурмбанфюрер. Эй, вы, игрушки!

Пауза.

Ну, чего уставились? Что, я вас обидел? Мы все игрушки в чьих-нибудь руках! Интересно, где это вы так долго пропадали? Объявлена всеобщая мобилизация в оловянные солдатики, а вас нигде не было видно. Скрывались, а?

Млада (*в ужасе*). Это я, это я сделала их видимыми! Но я хотела, чтобы все было хорошо...

Карикатурный оберштурмбанфюрер. Благодарю вас, маленькая фрау! Все очень хорошо. Вы нам здорово помогли. А теперь — слушать! Кто в состоянии держать в руках эту дурацкую кисточку, тот может носить автомат! Автомат лучше кисточки, это же ясно! Разве может кисточка выстрелить? Нет! А автомат может! Хох!

Мастера (*нестройно и очень неуверенно, почти шепотом*). Хох!

Куклы закрывают собой мастеров от оберштурмбанфюрера.

Карикатурный оберштурмбанфюрер. Эй, вы! Отшвырните этих фарфоровых баб! Что за нежности в военное время?

Мастера отстраняют от себя кукол, но делают это пока осторожно и бережно.

Правильно, ребята! Сегодня у каждой игрушки своя цена!

Карикатурные солдаты срывают с мастеров плащи, и мастера оказываются все в одинаковой форме оловянных солдатиков. У них вырывают из рук кисточки и вместо кисточек всучают автоматы. Карикатурный оберштурмбанфюрер сгоняет бывших мастеров в центр площадки, строит их.

А теперь — все в погу! Все в погу! Никаких отклонений! Кто не в погу — тот враг! Друм-линкс-цвай-драй! Друм-рехтс-цвай-драй! Кто не оловянный — тот враг! Фарфоровых — вдребзги! Деревянных — в печь! Друм-линкс-цвай-драй! Друм-рехтс-цвай-драй! Все в погу! Только оловянные! Оловянным все можно! У каждой игрушки своя цена! Отныне оловянные дороже всех по прейскуранту! Гордитесь, ребята! Прейскурант — наш бог! Мы отмечены прейскурантом!

Оловянные солдатики рычат. Их рычание переходит в крики.

Солдатики. Хох! Хох! Хайль!

Куклы и другие игрушки в отчаянии закрывают лица руками.

Карикатурный оберштурмбанфюрер. Когда победим, пусть выбрасывают на прилавок заводных соловьев и тряпичные розы! Будем нюхать цветочки и слушать всякие трели-шмели! Нам вставят золотые уши и золотые ноздри! Нам дадут фарфоровых баб самого лучшего производства! А пока — все в погу! Все в погу! Никаких отклонений! До полной победы! Трум-турум-тум, трум-турум-тум, трум-турум-тум!

Оловянные солдатики маршируют на месте. Их лица звереют. Они начинают в марше двигаться по площадке, сталкивая с нее прикладами кукол, старика, Млодека, Младу, учителя. Они выкрикивают слова песни. Это песня без мелодии, только ритм.

С о л д а т и к и.

Автоматы, автоматы,
автоматы на плечо!
Оловянные солдаты
твердо знают, кто почем!

Никаких таких эмоций
в оловянные сердца,
им не биться, им бороться
до победного конца!

Прочим куклам не годится
с нами рядом есть и пить,
им фарфоровые лица
надо вдребезги разбить!

Смерть игрушкам деревянным,
все вокруг пускай дрожит,
мир отныне оловянным
навсегда принадлежит!

Оловянным солнце станет,
оловянным небо крась.
все вокруг пооловянет,
потому что наша власть!

По дорогам, по паркетам
только олово стучит.
Бей фарфоровых поэтов
и не трать на них харчи.

Дружно, братцы, озвереем,
мир клади под сапоги.
Кто не олово — еврей,
кто не олово — враги!

Автоматы, автоматы,
автоматы на плечо!

Оловянные солдаты
твердо знают, кто почем!

(Размахивая автоматами, сходят с площадки.)

Старик. Они и эту дорогу закрыли!
Учитель. Млодек! Млада! Скорее сюда!

Дети прижимаются к учителю.

Ничего этого не было! Слышите? Ничего! Давайте говорить
про детские вещи. Пап Пропал! Кувыркайся, прошу тебя!

Клоун кувыркается.

Смотрите, как смешно! *(Хохочет.)* Давайте говорить про
детскую зиму, а? Есть зима взрослая, скучная, а есть
детская, веселая. Когда я смотрю на снег, я уже думаю, что
будет слякоть, чувствую на ногах мокрые ботинки, думаю —
а хватит ли угля? А есть другая зима. Просто зима. Детская.
Когда — санки, снежинки и ветер. И красные щеки. И сно-
ва санки. И снежинки. И ветер. И все очень просто и весело.
Или весна. Просто весна. А лето? Просто солнце, просто не-
бо и просто веселый дождик, когда босиком — по лужам!
И весело, и щекотно, и не очень жарко, и просто замечатель-
но! Или давайте помечтаем, кто кем будет? А? Вот Млада
хотела стать герцогиней. Но разве есть школы, где учат на
герцогинь? Нет таких школ! И мы с Младой решили, что она
станет артисткой. И будет играть герцогинь и еще разных
других людей. Правда, Млада?

Млада. Конечно, пап учитель!

Учитель. А ты, Млодек? Ты кем хочешь стать, когда выра-
стешь? А? Я помню, ты мне говорил, что хочешь стать шофе-
ром такси. Или вагоновожатым. Или контролером на поез-
де, чтоб не замечать ни одного зайца: пусть себе едут бес-
платно, раз у них нет денег! Ведь это так замечательно —
ехать на поезде! Каждому хочется! Ну, Млодек! Так кем же
ты хочешь быть, когда вырастешь?..

Млодек. Живым!

*Клоун отскакивает в сторону.
На площадку поднимается К о н р а д В о л ь ф. И, словно его
гень, встает М а р г а р и т а.*

Маргарита. Конрад! Отпусти детей! Отпусти детей!
Вольф. Я ничего не могу сделать. Ты слышала, что я только что
сказал: все мы игрушки в чьих-нибудь руках.

Маргарита. Это сказал не ты! Это сказал злой уродец!

Вольф. На нем мои знаки различия. Это сказал я. И хватит об
этом! *(Подносит к губам микрофон.)* Ахтунг! Ахтунг! Цур эс-
корте зай берайт! Дас гор ист геофпет! Ахтунг! Ахтунг! Цур
эскорте зай берайт! Дас гор ист геофпет!

Второй конвойный. Ворота открылись. Буди их.

Первый конвойный. Откуда я знаю, что они похожи на ма-
ленькие клейкие листья?

Второй конвойный. Заткнись!

Первый конвойный. Откуда я знаю, что они похожи на ма-
ленькие клейкие листья? Откуда я знаю, что они похожи на
маленькие клейкие листья? Откуда я знаю, что они похожи
на маленькие клейкие листья? Откуда я знаю, что они по-
хожи на маленькие клейкие листья?

Второй конвойный *(орет)*. Заткнись! Заткнись! Заткнись!
Эй, вы, пфенниги-шмениги! Эй, вы, детки-монетки! Зайчки-
шмайчики! Встать! Шевели ручками-пожкам! Друм-линкс-
цвай-драй! Друм-рехтс-цвай-драй!

*И, словно серо-зеленая волна, на зал двинулся немецкий кон-
вой. Впереди — два конвоира с напизанными на стволы
автоматов игрушками. За ними — шеренга солдат.
Темнота. Каргавая команда: «Ахтунг! Ахтунг! Едер кнабен
унд едес меджен мус ин ди колон цифир айнштеллен. Эс ист
нихт айн хирд! Нихт бризен, ферштиммен форвер». Луч света
выхватывает одну из женщин в черном.*

Женщина.

Дети движутся к Треблинке.
К лагерю смерти.

Люди, вы это терпите?..
Люди, люди, не смейте!

Люди, станьте же гневными!
Люди, так не бывает:
спят в округе деревни,
а детей убивают!

Я из дальней истории,
я из дальней России,
Ярославна, которая
На степе голосила.

Плач мой больше не музыка,
плач мой — колокол, колокол.
У меня не по мужу
нынче сердце расколото.

Вы прислушайтесь, люди!
Люди, так не бывает!
Где-то пьют, где-то любятя,
а детей убивают!

Не за грош, не за денежку
жилы детские — настееж.
А за то, что поделены
нынче люди на масти.

Люди, где ваша совесть?
Бабы, где ваши вопли?..

В луче — вторая женщина в черном.

Вторая женщина.

Я — Норвегия. Сольвейг.
Край мой в облаке, в облаке.
Я — не женщина. Песня.

Я — само утешенье.
Но накинуты петли
на детские шеи.

Плач мой больше не музыка,
плач мой — колокол, колокол.
У меня не по мужу
тоже сердце расколото.

Люди, встаньте, как горы!
Горы — к ярусу ярус!
Люди, вот ваше горе!
Люди, где ваша ярость?..

Разве дети снежинки,
чтобы просто растаять?
Люди, люди, скажите,
вы не троллями стали?

Люди, это неправда,
люди, так не бывает:
вы и слева и справа,
а детей убивают?!

Что вы все, онемели?
Иль беды не постигли?..

Третья женщина.

Я — Фламандия. Нёле.
Я — жена Уленшпигеля.

Плач мой тоже не музыка.
Плач мой — колокол, колокол.
У меня не по мужу
тоже сердце расколото.

От Саара до Брюкена
небо дымом застелено.

Спят немецкие бюргеры
на двуспальных постелях.

Люди, как это можно,
люди, так не бывает!
Спят да Рейне и в Мозеле,
а детей убивают?

Разве мир — это пустошь?
Люди, так не бывает:
есть науки, искусство,
а детей убивают!

Люди, это не сказка,
как могло так случиться:
пятiletних Клаасов
пепел в сердце стучится!

Мир преступностью мечен!
Плачьте, немки. Мы требуем!
Или греют вас печи
Освенцима и Трёмблинки?

Никуда вам не деться!
В мире плач прибывает.
Плачьте, немки, по немцам,
что детей убивают!

Красноморды от рома
и от пламени, пламени!..

В луче — Маргарита.

Маргарита.

Отрекаюсь от рода!
Отрекаюсь от племени!

Я была Маргаритой.
Отрекаюсь от Фауста

потому, что горит он —
тот огонь пад Маутхаузенем.

Знаю, это не сказка —
баба я, не волчица —
пятилетних Клаасов
пепел в сердце стучится.

Бабы, бабы, вы правы,
бабы, так не бывает:
люди слева и справа,
а детей убивают.

Бабы, бабы, вы правы,
только это бывает —
те, кто слева и справа,
те детей убивают.

Это брат мой и муж мой.
Плач мой грозен, как колокол!
Только разве он нужен
В этом мире расколотом?

Плачем кровь не омоется...
Бабы, это бывает:
где-то пасторы молятся,
а детей убивают.

Перестаньте! Не смейте!
Пусть захлопнутся требники,
если лагерем смерти
стала польская Треблинка!

Никуда нам не деться,
бабий плач прибывает,
плачут немки по немцам,
а детей убивают!

*Темнота. Мерный шаг солдатских сапог. Картавая команда:
«Ахтунг! Ахтунг! Штее бляйбен! Едер кнабен унд едес мед-
хен мус фон ден тор обтреттен. Фон дам рехтен зайте ин ди
колонеи цу цвай марш шритт!» На сцене вспыхивает свет.
Две шеренги солдат как бы образуют живые ворота.
Млодек, Млада, с зеленой лейкой в руках, учитель,
клоун, Конрад Вольф.*

Млада. Мы идем на дачу. Я буду поливать яблоневые деревья.
Но почему кругом столько солдат?

Учитель. Разве это солдаты, девочка? Это яблоневые деревья.
Это аллея яблоневых деревьев! Слышишь, девочка? Это —
деревья, яблоневые деревья!

Млада. Да-да. Конечно. Но это все-таки солдаты. Я ничего не по-
нимаю! Пан учитель, что же вы не идете?

Вольф (*подходит к учителю*). Благодарю вас, герр учитель. Вот
ваш пропуск. Машина ждет. Вы можете возвращаться.

Млада. Ну, пан учитель? Что же вы?

Млодек (*зло, чуть не плача*). Что ты с ним разговариваешь, ду-
ра! Ты что, не видишь? Его отпускают!

Млада. Ты о чем, Млодек?

Учитель. Сейчас, дети. Сейчас! Я с вами! (*Рвет пропуск.*)

Клоун. Я тоже.

Учитель. Нет-нет! Нельзя, чтобы они убили смех. Смех должен
остаться.

Клоун. Но у меня только слезы настоящие.

Учитель. Ты справишься с собой, ты — человек, ты справишься.
Главное, чтоб они с тобой не справились. Смех еще понадо-
бится детям, пан клоун! (*Бросает обрывки пропуска.*)

Вольф. Герр учитель, опомнитесь! Еще можно выписать дубли-
кат. Я дал вам единственную возможность!

Учитель. Да-да, вы добряк, господин оберштурмбанфюрер. Но
не все подлецы, господин оберштурмбанфюрер.

Вольф. Идиот! Для тебя был только один выход отсюда. Ты за-
был о своей национальности?

Учитель. Нет, господин оберштурмбанфюрер. Не забыл. Сегодня в мире есть только две национальности: люди и фашисты. Вы очень ловко делаете фашистов! Вы берете нормального, здорового парня, даёте ему в руки автомат и говорите: тебе все можно! Ты можешь вломиться в душу другого человека и даже не вытереть поги! Ты можешь превратить эту душу в собственную уборную! У тебя в руках автомат, за твоими плечами гестапо. Когда за твоими плечами гестапо, все становится убедительным: можно слепую кривду выдать за святую правду. И кричать, что ты за правду. И кричать другие хорошие человеческие слова, которые пельзя кричать, а которыми надо думать. Но зачем думать, если тебе все можно? Вы очень ловко делаете фашистов, господин оберштурмбанфюрер! Поэтому сегодня «человек» — это звучит больно. Поэтому я хочу стать криком, воплем. Не просто кричать и вопить, это могут и не услышать. Но все знают, как не хочется умирать. Как чертовски не хочется умирать. Когда еще пять шагов — и все, поги почему-то перестают идти. Сами. Ты им приказываешь: идите! А они притворяются, что не слышат, словно они из другого департамента. Но если ты их все-таки заставишь проделать эти пять шагов — вся твоя жизнь становится криком. И тогда люди оборачиваются и спрашивают: «Что случилось, чья это жизнь так кричит?» И тогда я вправе спросить: «Люди, почему вы не слышите просто криков и просто воплей? Почему обязательно должна закричать чья-нибудь жизнь, чтобы вы обернулись? Человек самоуверен. Он никогда не подумает, что его собственная жизнь может закричать точно так же. Но раз вы уже обернулись, я вам скажу: вот стою я, старый учитель из старой Варшавы.

И я знаю,

что человеческая жизнь
должна не кричать, а петь.

Но разве эта песня

должна стать колыбельной для совести?

Совесть любит поваляться в постели!

Но каждое утро
в шесть часов сорок пять минут
наши обугленные рты
станут шептать ей:

Мы — были!

Мы — были!

Мы — были!

И если совесть этого не услышит,
наш тихий шепот
станет воплем Хиросимы.

Люди, не надо!

Нельзя, чтобы убивали детей!

Нельзя, чтобы гадили в душу!

Мы — были!

Мы — были!

Мы — были!

Если вам весело,
остановите на минуту веселье,
прошу вас!

Разве люди должны всегда хохотать,
ходить на голове,
играть в салочки,
сосать леденцы,
прыгать и веселиться?

Иногда люди должны сесть и подумать.

Головы — для того, чтобы думать!!!

А совсем не для того,

чтобы летать.

Как пустые футбольные мячи.

От сапога к сапогу.

Мы — были!

Мы — были!

Мы — были!

З а н а в е с

1963 г.